

УДК 811.512.81'36
DOI 10.17223/18137083/61/23

А. Р. Тазранова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Падежная система в алтайском языке
(на материале трех научных грамматик алтайского языка)**

На основе трех научных изданий проводится сопоставление материала и анализ изменений в падежной системе алтайского языка, произошедших за 148 лет со времени выхода первой грамматики алтайского языка. Выявлены некоторые исторические изменения в падежной системе в современном алтайском языке. Показано, как идет пополнение парадигмы за счет процессов синтетизации послелогов.

Ключевые слова: алтайский язык, морфология, категория падежа, форма падежа, послелог, аффиксация, послелог-аффикс, грамматикализация, синтетизация.

Падеж в алтайском языке описан в трех научных грамматиках: в «Грамматике алтайского языка» [ГАЯ 1869], составленной членами Алтайской духовной миссии, «Грамматике ойротского языка» Н. П. Дыренковой [1940] и выпущенной коллективом авторов «Грамматике современного алтайского языка. Морфология» [ГСАЯ], опубликованных с промежутками 71 и 78 лет.

Следует отметить, что объект описания в каждой грамматике имеет свою специфику. В «Грамматике алтайского языка» (1869) в понятие «алтайский язык» авторы включают как диалекты алтайского языка (алтайские калмаки, т. е. собственно алтай-кижи, телеутский, теленгитский, туба, чалканский), так и соседние языки: шорский (кондомский). При этом падежные формы этих языков и диалектов не дифференцированы. В «Грамматике ойротского языка» Н. П. Дыренковой представлен богатый справочный материал по всем диалектам алтайского языка. «Грамматика современного алтайского языка» отличается тем, что в ней отражен в основном материал литературного алтайского языка. Она показывает современное состояние изученности различных аспектов морфологии алтайского языка.

Целью данной статьи является характеристика системы падежей в свете новейших научных разработок, выявление изменений падежных форм, произошедших в алтайском языке за полтора века, путем сопоставления падежной системы

Тазранова Алена Робертовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; atazaranova@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 4
© А. Р. Тазранова, 2017

в имеющихся трех научных грамматиках алтайского языка, определение устойчивости и динамики развития категории падежа.

Рассмотрим падежную систему алтайского языка с точки зрения современных разработок.

В. А. Плуноян типологию падежных систем в целом строит на трех основаниях. С точки зрения морфологического выражения падежных граммем различают агглютинативные и кумулятивные падежные системы. В кумулятивных системах выражение падежа происходит параллельно с выражением других категорий, например с категорией числа, а в агглютинативных системах выражение падежа формально отделено от выражения других категорий [Плуноян, 2000, с. 180–182].

Хотя падежную систему алтайского языка относят к агглютинативному типу, слияние категории принадлежности и падежа сдвигает ее к смешанному варианту – кумулятивно-агглютинативному. Точнее, в падежной системе мы различаем падежи и формы, в рамках которых представлены как значение падежа, так и притяжательное значение. Безличная парадигма в тюркских языках агглютинативная, а лично-притяжательная – кумулятивная.

С точки зрения количества падежей, по мнению В. А. Плунояна, можно выделить три типа падежных систем: редуцированные, нормальные и гипертрофированные. Редуцированные двух- или трехпадежные системы различают только самые обобщенные классы синтаксических ролей имени: в таких системах либо номинатив противопоставляется обликвусу¹, либо «прямой» падеж противопоставляется «косвенному» (в румынском и берберских языках) [Там же]. «Нормальные системы» состоят из шести-десяти падежей. Тюркская система, как и системы почти всех алтайских языков, в том числе и собственно алтайского, в котором падежная система представлена семью падежами, относится к нормальному типу. Гипертрофированные системы обладают повышенным количеством пространственных падежей (системы дагестанского типа).

С точки зрения типа выражаемых значений падежные системы делятся на синтаксические и семантические. Падежные системы синтаксического типа ориентированы на выражение обобщенных синтаксических функций (подлежащее, косвенное дополнение и др.), а системы семантического типа – на выражение ролей центральных актантов глагола [Там же].

Алтайскую падежную систему, как и всю тюркскую, трудно отнести к одному из этих типов, так как она совмещает грамматические, т. е. синтаксические, и конкретные, т. е. семантические, падежи.

В алтайском языке еще нет специальных работ в рамках глубинной падежной системы, а в рамках семантической роли имени в 2008 г. вышла монография М. И. Черемисиной, А. А. Озоновой и А. Р. Тазрановой [2008], предметом исследования которой было элементарное простое предложение с глагольным сказуемым и его морфологическая и лексическая база.

Такой новый взгляд на систему падежей еще не нашел отражения в последней по времени грамматике алтайского языка. В ней содержится традиционный подход к описанию падежей.

В тюркологии к категории падежа подходили с разных точек зрения. Падеж как категория рассматривался в работах многих ученых: Э. В. Севортыана, Н. А. Баскакова, Н. З. Гаджиевой, Г. Ф. Благовой, Н. К. Дмитриева, М. И. Боргоякова и др.

¹ Обликвус – косвенный падеж. Старофранцузский обликвус маркирует все случаи синтаксической зависимости имени, не различая их между собой: 1) в позиции косвенного дополнения; 2) в припредложной позиции; 3) в позиции приименного дополнения [Жеребило, 2011].

В некоторых работах система тюркских падежей описывается с точки зрения диахронии. В них содержится исторический анализ именного словоизменения, реконструкция и пути формирования падежной парадигмы. В таком ключе выдержаны исследования Н. З. Гаджиевой [1975], Б. А. Серебренникова, Н. З. Гаджиевой [1986], Н. А. Баскакова [1979].

Во всех грамматиках тюркских языков падежи рассматривались как грамматическая категория имени, представляющая парадигму форм и значений, а также как одно из средств оформления членов предложения, т. е. падеж рассматривался в аспектах морфологии и синтаксиса.

Категория падежа тюркских языков представлена шестью основными продуктивными формами: основной, родительный, винительный, дательно-направительный, местный и исходный падежи. В некоторых языках имеются еще дополнительно один или два падежа. Это творительный падеж (в алтайском, казахском, хакасском, шорском, якутском, чувашском), направительный падеж (в тувинском и хакасском), частный падеж (в якутском), продольный (в хакасском и карачаево-балкарском) и др.

Н. А. Баскаков выделяет продуктивные и рудиментные падежи и дает им краткую характеристику [Баскаков, 1979, с. 227].

Продуктивные падежи по своим грамматическим функциям разделяются на две группы: грамматические (основной, родительный, винительный) и семантические (локальные падежи: дательно-направительный, местный, исходный).

Для грамматических падежей первичной функцией является выражение субъекта и объекта. Во всех тюркских языках (в алтайском, хакасском, тувинском и др.) грамматические падежи являются формой выражения субъектно-объектных отношений в предложении и определительных сочетаниях принадлежности.

Для локальных падежей первичным является выражение пространственных отношений, остальные значения, кроме пространственных (роль адресата, стимула, источника, части целого и др.) вторичны. Вторичные значения дательного, исходного, направительного падежей развились, скорее всего, на базе первичных.

Рудиментными падежами являются сравнительный на *=dak*, сравнительно-предельный на *=ča*, творительный времени на *=yn*, исходный места на *=tyn*, дательный направления на *=garu*. По мнению Н. А. Баскакова, эти падежи являются пережитками в системе падежного словоизменения и употребляются ныне для определенных разрядов лексики. В качестве примеров для последних трех падежей автор приводит наречия *гузун* 'зимой', *мынартын* 'отсюда', *teskeri* 'вверх ногами' [Там же].

Для некоторых тюркских языков в систему падежей вводятся близкие в грамматическом отношении к падежам формы послелогов, которые в результате стяжения или редукции отдельных гласных и согласных звуков превращаются в послелоги-аффиксы. Так, в алтайском языке используется послелог-аффикс *=ла / =ле*, восходящий к *birle- / birlen*, – так называемый творительный инструментальный или орудно-совместный падеж. В хакасском – творительный послелог-аффикс *=наң / =нең*, восходящий к тому же послелогу; послелог-аффикс *=сар / =сер*, обозначающий направительный падеж.

В тюркских языках Сибири выделяют разное количество падежей. В алтайском языке шесть-семь падежей, в тувинском – семь, в хакасском восемь падежей и две падежные формы на *=наңар* (делибератив) и на *=ча* (продольно-сравнительный падеж) [Боргоякова, 1976]. В якутском языке восемь падежей. Кроме основного, дательного, винительного и исходного, имеются частный, орудийный, совместный и сравнительный [Севортян, 1956, с. 62].

Первый падеж во всех тюркских грамматиках функционирует под разными названиями: именительный, основной и неопределенный. В «Грамматике алтайско-

го языка» он назван именительным, как и в современной грамматике. Н. П. Дыренкова в своей грамматике использует понятие «основной падеж».

Но авторы «Грамматики алтайского языка» (1869) отмечают, что «собственно именительный падеж в алтайском языке принадлежит только личным и указательным местоимениям, а в именах для именительного падежа особой формы не существует, но в значении именительного употребляется склоняемая основа имени, которая в известных случаях может стоять в значении косвенных падежей, чаще всего притяжательного и винительного. Таким образом, эту форму справедливо назвать неопределенным падежом, который в данном случае бывает или именительный, или притяжательный, или винительный, смотря по положению в речи» [ГАЯ 2005, с. 122].

Понятие «неопределенный» для первого падежа впервые ввел О. Бетлингк [Böhtlingk, 1851]. Этот термин закрепился в ряде последующих работ тюркологов Е. И. Убрятовой [1950], Н. К. Дмитриева [1960], А. Н. Кононова [1956] и др.

В своих работах авторы активно использовали для названия первого падежа понятие «неопределенный», объясняя такой термин широтой функций, придающей этому падежу определенность и неопределенность: это и падеж подлежащего, и падеж дополнения, и падеж определенного времени, т. е. целый набор функций, который не свойственен именительному падежу как таковому. На наш взгляд, такое решение кажется наиболее удачным.

Многофункциональность в тюркских языках присуща не только основному падежу, но и некоторым другим. Например, местный падеж, кроме основной функции, может выполнять также функции исходного, творительного, направительного и других падежей.

Большой спор вызывал винительный падеж. Первые попытки объяснения причин вариативного оформления прямого объекта относятся к середине XIX в. [Казем-Бек, 1846, с. 382; ГАЯ 1869, с. 140]. М. А. Казем-Бек называл его именительным: «Винительный падеж заменяется именительным, когда предмет непосредственно предшествует глаголу...» [Казем-Бек, 1846, с. 382]. Как видим, в данном случае говорится о двух самостоятельных падежах (винительный и именительный), оформляющих прямое дополнение.

Н. П. Дыренкова в «Грамматике ойротского языка», придерживаясь этой же точки зрения, называет «дополнение в винительном неоформленном падеже» и «дополнение в винительном оформленном падеже» [Дыренкова, 1940, с. 59]. Позже она называет его неопределенным или неоформленным падежом, а не неоформленным винительным. Н. П. Дыренкова отмечает: «неопределенный или неоформленный падеж по форме совпадает с основным падежом, по значению соответствует винительному, притяжательному и в отдельных случаях местно-временному падежам» [Там же].

На материале алтайского языка эту тему исследовала А. Т. Тыбыкова. Согласно ее мнению, «выбор того или иного падежа прямого дополнения в современном алтайском языке определяется не какой-то одной причиной, а определенным комплексом причин, которые часто действуют вместе» [Тыбыкова, 1985, с. 85]. Самым «сильным» фактором, связанным с винительным падежом, она признает позицию прямого дополнения по отношению к глаголу, которая часто является следствием акцентуации. Определенность, т. е. индивидуальность объекта – способствующий, но не решающий мотив. В ее работе о безаффиксной форме имени существительного в роли дополнения в алтайском языке выделяется еще один критерий, который оказывает влияние на выбор того или иного падежа оформления, – намерение говорящего, насколько важно говорящему или пишущему выделить, акцентировать данный именной член предложения. Если он должен быть выделен, то ставится в форме винительного падежа, если нет – в форме неопределенного [Тыбыкова, 1985, с. 84].

В алтайском языке систему падежей впервые описали авторы «Грамматики алтайского языка» (1869). Авторы выделили в алтайском языке шесть падежей: именительный, притяжательный, винительный, дательный, местный, исходный (табл. 1). При этом после винительного падежа они рассматривают отдельно вопрос о присутствии или отсутствии приставки винительного падежа, а после исходного – раздел о послелогах *пыла* и *ча*. Для выражения семантики направления авторы употребляют дательный падеж.

Таблица 1

Название падежей в имеющихся грамматиках алтайского языка
The name of cases in the available grammars of the Altai language

[ГАЯ 1869]	[Дыренкова, 1940]	[ГСЯ]
Именительный	Основной	Именительный (номинатив)
Притяжательный	Притяжательный (родительный)	Притяжательный (генитив)
Винительный	Винительный	Винительный (аккузатив)
Дательный	Направительно-дательный	Дательно-направительный (датив)
Местный	Местно-временный	Местный (локатив)
Исходный	Исходный (падеж удаления)	Исходный (аблатив)
Послелоги <i>пыла</i> и <i>ча</i>	–	Орудный (инструментатив)
	Падеж сравнения или уравнения	
	Творительно- инструментальный (совместно-орудный)	

Таблица 2

Падежные аффиксы, выделенные в «Грамматике алтайского языка» [ГАЯ 1869]
The case affixes allocated in «Grammar of the Altai language» [1869]

Падеж	Аффиксы
Именительный	=Ø
Притяжательный	=ниг / =ныг / =нуг, =тыг / =тиг / =түг, =дыг / =диг
Винительный	=н / =ни / =ны, =ди / =ды, =ты / =ти
Дательный	=ка / =ке, =га / =ге, =а / =е / =ее, =о, =ö
Местный	=те / =та / =то, =де / =да
Исходный	=нег / =наг / =ног, =дег / =даг, =таг / =тег / =тог
Послелоги <i>пыла</i> и <i>ча</i>	–

Алтайский послелог *пыла*, хотя и употреблялся в функции служебных слов, уже тогда тяготел к падежным значениям, тем не менее в парадигму падежей он не включен.

В тюркских языках Сибири не вызывает сомнения тот факт, что послелогои превращаются в падежные аффиксы. Например, тот же послелог *билен*, *биле* во многих тюркских языках превратился в падежный аффикс в алтайском, тувинском, казахском, чувашском и некоторых других языках. В 40-е гг. Н. П. Дыренкова затруднялась определить статус нескольких послелогов при описании грамматики южносибирских тюркских языков.

Н. П. Дыренкова в своей грамматике аффикс *-ла*, образовавшийся из послелогоа *пыла*, включила в падежную парадигму, назвав творительно-инструментальным или совместно-орудным падежом.

Она пишет, что более старой формой аффикса *-ла* является послелог *была* / *биле*, уже редко употребляемый. Автор называет форму на *=ла* не совсем аффиксом, а послелогом-аффиксом, тяготеющий к аффиксам. «Сочетание имени с послелогом-аффиксом *-ла* в ойротском языке можно лишь условно рассматривать как творительно-инструментальный или орудно-совместный падеж» [Дыренкова, 1940, с. 66].

Если в 40-е гг. аффикс *=ла* еще не совсем сформировался как падежный показатель и находился в приграничной зоне между послелогом и аффиксом, то в современных школьных учебниках и грамматике нет даже намека на то, что он когда-то был служебным словом.

Как справедливо писала об этом Е. И. Убрятова, давно замечено, что слово в своем развитии может последовательно переходить из полнозначного в аффикс. Для тюркских языков это еще в 1908 г. отмечал В. В. Радлов, позже об этом подробно написал Н. К. Дмитриев в «Грамматике кумыкского языка» в специальном разделе «Морфологическое развитие слова» [Убрятова, 2011, с. 248–249].

Таблица 3

Падежные аффиксы, выделенные Н. П. Дыренковой [1940]
The case affixes allocated by N. P. Dyrenkova [1940]

Падеж	Аффиксы
Основной	=Ø
Притяжательный (родительный)	=нын / =нин, =дин / =дын, =тын / =тин
Винительный	=ны / =ни, =ди / =ды, =ти / =ты
Направительно-дательный	=а / =е, =га / =ге / =го / =гö, =ка / =ке / =ко / =кö
Местно-временный	=да / =де / =до / =дö, =та / =те / =то / =тö
Исходный (падеж удаления)	=тан / =тен / =тон / =тöн, =дан / =ден / =дон / =дöн, =нан / =нен / =нон / =нöн
Падеж сравнения или уравниения	=тый / =тий / =туй / =түй, =дуй / =дүй
Творительно-инструментальный (совместно-орудный)	=ла / =ле / =ло / =лö

Во всех трех грамматиках при выделении падежей и падежных форм существенных расхождений нет (табл. 1–4). Исключение составляет падеж сравнения

и уравнения, отмеченный Н. П. Дыренковой (табл. 1, 3). Однако ни авторы первой грамматики, ни авторы современной грамматики не включают данную форму в категорию падежа и в системе падежей не рассматривают.

Таблица 4

Падежи в грамматике современного алтайского языка [ГСАЯ]
Cases in grammar of modern Altai language

Падеж	Аффиксы
Именительный (номинатив)	=Ø
Притяжательный (генитив)	=нын / =нин, =тын / =тин, =дын / =дин
Винительный (аккузатив)	=н / =ны / =ни, =ты / =ти, =ды / =ди
Дательно-направительный (датов)	=а / =е / =о, =га / =ге / =го / =гö, =ка / =ке / =ко / =кö
Местный (локатив)	=да / =де / =до / =дö, =та / =те / =то / =тö
Исходный (аблатив)	=тан / =тен / =тон / =тöн, =дан / =ден / =дон / =дöн, =нан / =нен, =нон / =нöн
Орудный (инструменталис)	=ла / =ле / =ло / =лö

Из перечисленных падежных форм особо следует отметить некоторые фонетические варианты формы притяжательного падежа на *нун* и *=түн*, зафиксированные в грамматике алтайского языка 1869 г. (см. табл. 2). Скорее всего, данные алломорфы являются диалектными, так как, как уже было отмечено выше, авторы первой грамматики понятие «алтайский язык» рассматривали широко, включая все диалекты алтайского языка, при этом основной упор делая на телеутский диалект. Из современных диалектов такие алломорфы встречаются в теленгитском и телеутском.

За последние годы в алтайском литературном языке получили заметное распространение новые морфологические формы, которые ранее употреблялись в основном в устной речи. Это прежде всего образования с компонентом *=дöн*, производном от послелога *тöмөн* 'вниз': *аралдöн* 'в сторону леса', *сууддöн* 'в сторону реки' или 'в реку', которые встречаются все чаще в фонетическом стяженном варианте *=ден* (ср.: *аралден*, *сууден*).

В художественной литературе допускают слитное написание данного послелога, как в литературном языке (*=дöн*, *=ден*), так и в диалектах, например в теленгитском (*=дöн*, *=даан*) (см. примеры (1)–(3)).

(1) *Туразындаан да киргилебес, кескилеп ле ядар та кандый улус?* (СС JЭ, с. 490)

тура=зы=н=даан	да	кир=гиле=бес
дом=POSS/3Sg=INFIX=POSTP	PRТCL	заходить=ITER=NEG
кес=киле=п	ле	та
косить=ITER=Cv1	PRТCL AUX: лежать=PrP	кандый
улус		какой
народ		
'Даже в дом не заходят, все косят, что за люди?'		

(2) *Көлдөндөбөн көндүрө киреринен эмиш жалтанып, агаиш бедиредим* (СС JЭ, с. 490).

көлдөн=дөбөн	көндүрө	кир=ер=и=нен	эмеш
озеро=POSTP	прямо	заходить=PrP=POSS/3=ABL	чуть
жалтан=ып	агаш	бедире=ди=м	
бояться=Cv	палка	искать=PAST=1Sg	

‘Чуть пугаясь прямо заходить в озеро, начал искать палку.’

(3) *«Баламды ла сени, не аайду тонгот не. Же кир турадаан» – деп, мени кийдирди* (СС JЭ, с. 491).

бала=м=ды	ла	сен-и	неаайду	тонг=от
ребенок=POSS/1Sg	PTCL	ты-ACC	сильно	мерзнуть=PRES
не	је	кир	тура=даан	деп мен-и
PTCL	но	заходи	дом=POSTP	CONJ я-ACC

кийдир=ди
заводить=PAST/3

‘«Бедный мой ребенок, наверное, сильно замерз. Ну, заходи в дом» – так, меня завел в дом.’

Исследователи-тюркологи отмечают, что в хакасском, тувинском и других тюркских языках идет процесс перехода послелогов в аффиксы, вследствие чего =*зар* / =*зер*, =*ча* / =*че* в хакасском, =*че/же* в тувинском превратились в падежные аффиксы. Аналогичное явление наблюдается также в алтайском языке и, следовательно, имеются предпосылки для широкого употребления нового направительного падежа. Но его грамматический статус научно еще не обоснован, а функции требуют специального изучения.

Авторы грамматики современного алтайского языка, как и авторы первой грамматики алтайского языка, рассматривают некоторые случаи, имеющие отношение к падежной системе. В грамматике 1869 г. выделены два послелога – *пыла* и *ча*. Как уже было сказано выше, *пыла*, превратившись в аффикс, прочно вошел в падежную систему алтайского языка и не вызывает каких-либо вопросов, тогда как статус послелога или аффикса =*ча* до сих пор не определен. Начиная с грамматики алтайского языка и заканчивая современными исследованиями алтайского языка, =*ча* описывается в разделе падежей. Приводятся его падежные значения, но в то же время он не включается в падежную систему. Такая же ситуация в современном алтайском языке с еще тремя аффиксами: =*Дөөн*, =*ДЫй*, =*АрЫ*.

Аффикс =*ДЫй* подробно исследован И. А. Невской [2016]. Автор предлагает рассматривать его как показатель уподобительного падежа, приводя некоторые особенности этой формы, сближающие ее с падежами.

В имеющихся грамматиках алтайского языка эта форма описывается в разделе относительных прилагательных со значениями ‘подобнообразный’, ‘подобный чему-л., кому-л.’, ‘похожий на кого-л., чего-л.’: *кой-дый* ‘как солнце’, *сен-дий* ‘похожий на тебя’ и т. п.

И. А. Невская считает, что образования с аффиксом =*ДЫй* встраиваются в именную словоформу литературного алтайского языка, занимая позицию падежного показателя и сочетаясь с аффиксами множественности и поссессивности разных лиц и чисел, например: *куу=лар=дый* ‘как лебеди’, *эне=м=дий* ‘как моя мама’. В пользу этого аргумента она приводит семь особенностей употребления формы на =*ДЫй* в качестве падежного аффикса (подробнее см.: [Невская, 2016, с. 5–9]).

Как видно из приведенных примеров и табл. 1–4, собственно падежными в алтайском языке можно считать безаффиксальную форму неопределенного падежа и шесть постфигированных, собственно падежных форм. Но кроме этих «морфологических падежей» в алтайском языке, как и во всех тюркских языках Южной Сибири, имеется целый ряд синтетических и в основном аналитических форм «па-

дежного типа», функции которых сопоставимы с падежными. Эти формы заслуживают особого внимания и описания.

Все три грамматики отражают исторические изменения в падежной системе: пополнение парадигмы идет за счет синтетизации послелогов. Не последнюю роль играют в этом процессе пресса и художественная литература на родном языке. Нормализация грамматики литературного языка охватывает все разделы морфологии и синтаксиса и выражается в том числе и в активизации аффиксов, и в превращении послелогов в падежные аффиксы, и в изменении значения послелогов и аффиксов, и в унификации вариантов отдельных грамматических форм.

Список литературы

- Баскаков Н. А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979. 227 с.
- Боргоякова М. И.* Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976. 159 с.
- Гаджиева Н. З.* Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М.: Наука, 1975. 302 с.
- ГАЯ 1869 – Грамматика алтайского языка. Казань, 1869. 285 с.
- ГАЯ 2005 – Грамматика алтайского языка. 2-е изд. Горно-Алтайск, 2005. 346 с.
- ГСАЯ – Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск, 2017. 576 с.
- Дмитриев Н. К.* Турецкий язык. М., 1960. 146 с.
- Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940. 302 с.
- Жеребило Т. В.* Термины и понятия общей морфологии: Слов.-справ. Назрань: Пилигрим, 2011. 44 с.
- Казем-Бек М. А.* Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846. 382 с.
- Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. 569 с.
- Невская И. А.* Спорные вопросы алтайской грамматики: о статусе формы на =ДЫй // Российская тюркология. 2016. № 1(14). С. 3–14.
- Плунгян В. А.* Общая морфология. М. 2000. 384 с.
- Севортян Э. В.* Категория падежа // Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. М., 1956. С. 45–56.
- Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1986. 301 с.
- Тыбыкова А. Т.* Безаффиксная форма имени существительного в роли прямого дополнения в алтайском языке // Морфология тюркских языков Сибири. Новосибирск, 1985. С. 84–85.
- Убрятова Е. И.* Исследование по синтаксису якутского языка. М.; Л., 1950. 304 с.
- Убрятова Е. И.* Исследования по тюркским языкам. Избранные труды. Новосибирск, 2011. 280 с.
- Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р.* Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 2008. 205 с.
- Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. St. Peterburg, 1851. 184 S.

Список источников

- СС ЈЭ – *Сартакова С.* Јүрүмнин элестери. Горно-Алтайск, 2010.

Условные сокращения и обозначения грамматических значений в глоссах

ABL – аблатив, **ACC** – аккузатив, **AUX** – вспомогательный глагол, **CONJ** – союз, **CV**– деепричастие, **INFIX** – инфикс, **ITER** – многократность, **NEG** – отрицание, **PAST**– форма на =ды прошедшего времени, **POSS** – поссессив, **POSTP** – послелог, **PRES** – форма на =Ат настоящего времени, **PrP** – причастие будущего времени на =ар, **PRTL** – частица.

A. R. Tazranova

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, atazranova@mail.ru*

Case system in the Altai language (on material of three scientific grammars of the Altai language)

On the basis of three scientific grammars, the author compares and analyses the changes in the Altai case system having occurred during the 148 since the release of the first Altai grammar. During that time, profound linguistic changes have taken place not only in the category of case, but also in phonetics, grammar, and syntax. The paper is to demonstrate the unity of the reflected material in the category of case and the dynamics of its development. The author takes into account that the object of description is unique for every grammar. For example, the Altai grammar includes the Teleut and Kalmyk dialects as well as the traits of the Kondom and taiga subdialects into the definition of the Altai language; N. P. Dyrenkova's Oirot grammar presents rich reference materials for all Altai dialects. Hence, it is necessary to differentiate the Altai, Teleut, Kondom and taiga forms. The difference of modern grammar from the ones mentioned above is that the authors sought only to reflect the literary forms of the Altai language.

The author distinguishes two meanings of the case: 1) case as a grammatical category denoting syntactic relations; 2) case as a specific form (basic, accusative, dative, ablative, locative, directive, instrumental). In the Altai language, basic, genitive, and accusative cases are grammatical, or syntactic, whereas the rest (locative, dative, directive, and ablative) compose the system of semantic, namely local, cases. It has been found that the three grammars serve as reflections of historical shifts in cases: what used to be a postposition-affix turns into an affix, and therefore the paradigm replenishment occurs as a result of postposition synthesizing. Literary fiction and mass media written in Altai language play a significant role in this process.

Keywords: Altai language, morphology, case, case form, postposition, affixation, grammaticalization, synthesizing.

DOI 10.17223/18137083/61/23

References

- Baskakov N. A. *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya tyurkskikh yazykov* [Historical and typological morphology of Turkic languages]. Moscow, 1979, 227 p.
- Borgoyakov M. I. *Razvitie padezhnykh form i ikh znacheniy v khakasskom yazyke* [Development of case forms and their values in the Khakass language]. Abakan, 1976, 159 p.
- Cheremisina M. I., Ozonova A. A., Tazranova A. R. *Elementarnoe prostoe predlozhenie s glagol'nyim skazuemym v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri* [Elementary simple sentence with a verbal predicate in Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, 2008, 205 p.
- Dmitriev N. K. *Turetskiy yazyk* [Turkish language]. Moscow, 1960, 146 p.
- Dyrenkova N. P. *Grammatika oyrotskogo yazyka* [Grammar of Oyrot language]. Moscow, Leningrad, 1940, 302 p.
- Gadzhieva N. Z. *Problemy tyurkskoy areal'noy lingvistiki* [Problems of Turkic areal linguistics]. Moscow, Nauka, 1975, 302 p.

- Grammatika altayskogo yazyka* [Grammar of the Altai language]. Kazan, 1869, 285 p.
- Grammatika altayskogo yazyka. 2-e izd.* [Grammar of the Altai language. 2nd ed.]. Gorno-Altaysk, 2005, 346 p.
- Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya* [Grammar of the modern Altai language. Morphology]. Gorno-Altaysk, 2017, 575 p.
- Kazem-Bek M. A. *Obshchaya grammatikai turetsko-tatarskogo yazyka* [General grammar of Turkish Tatar]. Kazan, 1846, 382 p.
- Kononov A. N. *Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Turkish literary language]. Moscow, Leningrad, 1956, 569 p.
- Nevskaya I. A. *Spornye voprosy altayskoy grammatiki: o statuse formy na =ДЫй* [Controversial issues of the Altai grammar: about the status of a form on =ДЫй]. In: *Rossiyskaya tyurkologiya* [Russian turkology]. 2016, no. 1(14), pp. 3–14.
- Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya* [General morphology]. Moscow, 2000, 384 p.
- Serebrennikov B. A., Gadzhieva N. Z. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [Comparative-historical grammar of Turkic languages]. Moscow, 1986, 301 p.
- Sevortyan E. V. *Kategoriya padezha* [Category of a case]. *Issledovanie po sravnitel'noy gramma-tike tyurkskikh yazykov. Ch. 2: Morfologiya* [A research on comparative grammar of Turkic languages. Pt 2: Morphology]. Moscow, 1956, pp. 45–56.
- Tybykova A. T. *Bezaffiksnaya forma imeni sushchestvitel'nogo v roli pryamogo dopolneniya v altayskom yazyke* [al form of a noun without suffix as a direct object in the Altai language]. In: *Morfologiya tyurkskikh yazykov Sibiri* [Morphology of Turkic languages of Siberia]. Novosibirsk, 1985, pp. 84–85.
- Ubryatova E. I. *Issledovanie po sintaksisu yakutskogo yazyka* [Study of Yakut syntax]. Moscow, Leningrad, 1950, 118 p.
- Ubryatova E. I. *Issledovaniya po tyurkskim yazykam. Izbrannye trudy* [Researches on Turkic languages]. Novosibirsk, 2011, 280 p.
- Zherebilo T. V. *Terminy i ponyatiya obshchey morfologii: Slov.-sprav.* [Terms and concepts of general morphology: Words.-Reference]. Nazran, Piligrim, 2011, 44 p.
- Böhtlingk O. *Über die Sprache der Jakuten*. St. Petersburg, 1851, 184 p.

List of sources

Sartakova S. *Jyrymniir elesteri*. Gorno-Altaysk, 2010.